

В.И. ШАРОНОВ, С.Б. СИНЕЦКИЙ

ПРИНЦИП КАРСАВИНА: ОСОБЕННОСТИ ПРОЧТЕНИЯ КУЛЬТУРНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ В СТАТЬЕ «О ПЕДАГОГИКЕ»

Реферат. Статья представляет собой аналитический очерк, предваряющий работу Л.П. Карсавина (1882—1952) «О педагогике». Несмотря на ее упоминание в библиографиях, она фактически неизвестна, так как была опубликована единственный раз в 1926 г. в журнале, имеющем единичные тиражи. Авторы предисловия предлагают свой взгляд на особенности, которые следует учитывать для лучшего понимания религиозно-философской мысли Льва Карсавина, и раскрывают обстоятельство его биографии, послужившие основой обращения к темам образования. Центральным мотивом исследовательского предисловия стала актуальность идей Карсавина для современности. Среди них особенно выделяется значение ценностной иерархии теоретических идей для развития русской культуры. Карсавин называл это собирательным понятием «единный принцип» организации образования. Именно он обеспечивает целостность русской культуры и ее «подлинное развитие». По убеждению философа, таким принципом должны стать православное вероучение и православная догматика: они веками определяли и направляли русскую культуру, воспитывали духовные ценности национального самосознания России

и ее традиции. Напротив, догматические ошибки западных церквей привели к индивидуализму, культу пороков, социально-культурным деформациям.

По мнению авторов очерка, многие положения этой и других работ Карсавина намечают также траекторию развития отечественной культурологической теории, представляют собой элементы методологического обоснования ее как синтетической (или гибридной) дисциплины, способной интегрировать потенциал теологии и философии культуры и социальных наук, при этом не отвергая накопленное позитивное наследие советских и российских культурологических школ.

Ключевые слова: Карсавин Л.П., философия образования, целостность культуры, православие, евразийство, философия культуры, религиозная культура.

Для цитирования: Шаронов В.И., Синецкий С.Б. Принцип Карсавина: особенности прочтения культурно-образовательной стратегии в статье «О педагогике» // Обсерватория культуры. 2025. Т. 22, № 2. С. 116–137. DOI: 10.25281/2072-3156-2025-22-2-116-137.

Публикация работы Л.П. Карсавина (рис. 1) «О педагогике», осуществляемая в Приложении к настоящей статье — значимое событие в истории русской философии и культуры, ведь она была опубликована единственный раз — в 1926 г. в журнале «Евразийская хроника»¹, имеющем минимальный тираж [1]. Журнал был выпущен без использования типографии, на примитивном оборудовании, как это делали нелегалы до революции и мелкие рекламные предприятия. Текст, пробитый механической печатной машинкой на воцеленной бумаге на русском языке, тиражировался на mimeографе. После этого все написанное в авторском оригинале на латинице должно было вписываться в каждый лист тиража от руки, и только потом листы сшивались в журнал². Материалы в редакцию,

находившуюся в Праге, приходили отовсюду. Сам журнал физически изготавливался в Берлине, а позже в Париже. Несмотря на мизерный тираж, издатели дали ему претенциозное наименование «Евразийская хроника», сообразно названию своего общественно-политического движения — евразийства.

Несмотря на практически столетний возраст работы Льва Карсавина, она не потеряла своей актуальности, а помещенная в контекст современного состояния российского образования, его проблем и вопросов, приобретает новые смысловые обертоны. Однако их присутствие выявляется не сразу и не просто, ведь текст, как и многие другие произведения, принадлежит человеку особенному. Это обязывает публикаторов предварить его статью коротким поясняющим словом, призванным предоставить читателю некоторые сведения и соображения, способные побудить читателя не подходить к статье Карсавина в режиме привычного «ознакомления», продиктованном и наличной интенсивностью информационного потока, и привычкой к сугубо научному формату прочтения.

Многие особенности текстов Льва Платоновича Карсавина легче всего объяснимы чертами его личности, с большим избытком одаренной многими талантами. Они требовали выхода, переполняли его, что выражалось в очень разных, но всегда контрастных впечатлениях знавших его людей. Многие отмечали в нем заметную склонность к творческой провокации, эпатажу, парадоксальным заявлениям³. Порой он так заострял собственную точку зрения, что она и сегодня способна культурно шокировать читателя, стать поводом для возмущения, тем более что эта резкость оценок распространялась на любимых многими писателей и поэтов, на признанных коллег по религиозно-философскому цеху. В одном из своих писем он, например, сравнил Марину Цветаеву с геранью [2], т. е. расценил ее как поэтессу — выразителя мещанских вкусов, а Алексея Ремизова назвал бездарем и плагиатором [2]⁴.

На уровне психологической науки это легко может быть объяснимо тем, что большими талантами был одарен человек по натуре очень хрупкий, ранимый. Высокомерие, язвительность, эпатаж были средствами его самозащиты, в то время как, по определению старшей дочери Ирины, имевшей с отцом искренние, доверительные отношения, ее отцу была

ные экземпляры не имеют фрагментов на латыни и других европейских языках, так что публикаторам статьи Л.П. Карсавина «О педагогике» пришлось воссоздавать их сообразно контексту мысли автора.

³ Об этих чертах личности Л.П. Карсавина В.И. Шаронова рассказывала в 1989 г. при личной встрече его младшая дочь, Сусанна Львовна Карсавина (1921–2003), также они многократно отмечены в мемуарах знавших его лиц.

⁴ Возможность использовать письма Л.П. Карсавина из коллекции В.Е. Аллоя (архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына) авторы получили благодаря дружескому содействию К.Б. Ермишиной.

¹ Редактировал журнал Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) — географ, экономист, геополитик, поэт, один из основателей и теоретиков евразийства. Воспитанник Петроградского политехнического института им. Петра Великого. Входил в правительства Деникина и Врангеля в качестве заместителя министра иностранных дел, затем эмигрировал в Константинополь, позже переехал в Болгарию и в 1921 г. в Чехословакию. В 1921 г. сблизился с Н.С. Трубецким, стал его единомышленником и посвятил себя евразийскому движению. В годы Великой Отечественной войны работал директором гимназии в оккупированной немцами Праге. С 1945 по 1956 г. отбывал наказание по ст. 58 УК РСФСР. После освобождения вернулся в Чехословакию, где еще раз арестовывался властями страны за публицистическую деятельность в зарубежных изданиях, но вскоре был освобожден.

² В результате указанного разрыва творческо-технологической цепочки сохранившиеся до наших дней уникаль-

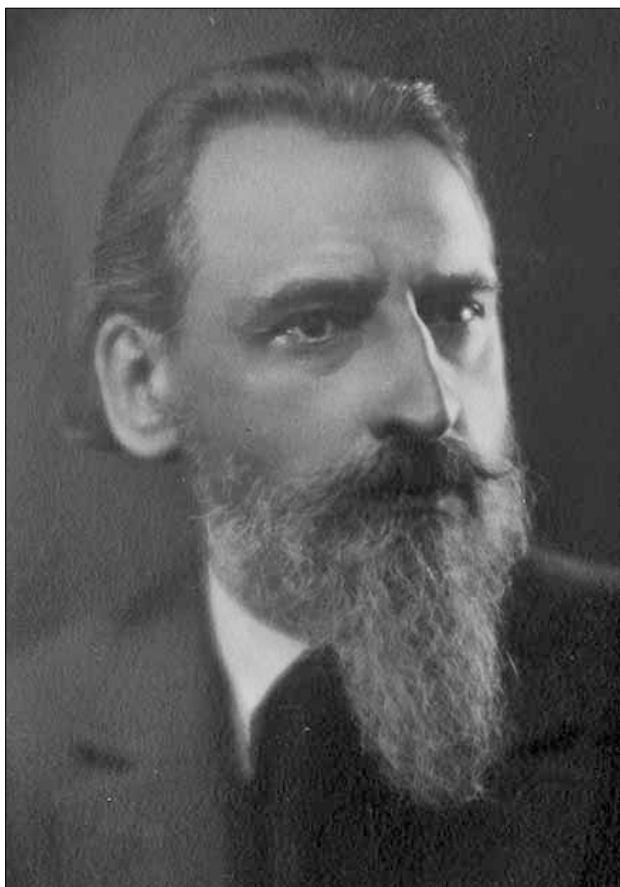

Рис. 1. Лев Платонович Карсавин.
Фото. 08.01.1932, Каунас.
Интинский краеведческий музей. Фонд КП 4024/5.

свойственна «стыдливость чувств и боязнь быть неправильно понятым» [3]. Похожие оценки личности Льва Платоновича высказывали и другие самые близкие к нему люди [4, с. 140; 5, с. 67].

Однако психологический подход имеет свои ощутимые пределы и не обеспечивает необходимой глубины понимания. В проявлениях того, что выглядит только как человеческие недостатки Л.П. Карсавина, важно одновременно рассмотреть и то, что поможет прояснить его взгляды на образование, культуру, гуманитарную сферу. Всегда и везде Карсавин стремился поднимать духовную, интеллектуальную и культурную планку. Ему претила господствующая установка многих образованных и не всегда бесталанных авторов снижать уровень вкусовой взыскательности в угоду личной популярности или, тем более, ради целей политической агитации настолько, что он демонстративно выказывал свое презрение к этой готовности подлаживаться под запрос людей невежественных, считающих пошлость нормой. Число последних, по определению Х. Ортеги-и-Гассета «заурядных душ», убежденных, что имеют «непреложное право на собственный взгляд без каких-либо предварительных усилий его выработать» [6, с. 66], множилось.

Вкус знатока и ценителя лучших образцов мировой литературы, живописи, богословской и философской мысли Льва Карсавина был слишком утончен и далек от производимого миллионотиражного культурного «продукта», настроенного на жесткую товарно-денежную конкуренцию. Карсавин настраивал свой внутренний слух, чуткость по камертону, годному только для избранных, — по наследию Софокла, Катулла, Вергилия, Данте и многих других. Особое значение для него имели труды апологетов, отцов и учителей Церкви, великих античных и христианских мыслителей. Прочитанное в подлинниках, переосмысленное и глубоко пережитое становилось настолько органичной частью его мирозерцания, что он мог входить в регистр давней эпохи, о которой писал, и только специалистам было под силу отличить карсавинскую стилизацию от реального ветхого трактата (например, [7]). Лев Платонович великолепно знал русскую литературу, высоко ставил Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, а в личных письмах по памяти⁵ нередко цитировал и сравнительно малоизвестных авторов.

Он хорошо осознавал, что читатели его работ сталкивались с серьезными затруднениями, возникшими в том числе как следствие его ориентированности на древние образцы: «Моя письменная речь многим непонятна. Словами мне удастся более точно выразить то, что мною продумано и написано» [8, с. 143]. Сам он считал, что его лучше всего понимает Анатолий Анатольевич Ванеев (1922–1985), ученик и заботливый младший друг в последние два лагерных года жизни [8, с. 143].

Анатолий Ванеев указывал, что мысль его учителя имеет главный ключ — в ней «христианская идея находит себя в конкретном и, обратно, живое конкретное внутренне напряжено настолько, что разрешается в идею» [9, с. 142]. Ванеев предостерегал тех, кто привык не замечать принципиального различия между религиозными по содержанию и научными текстами, помещать ту или иную теоретическую работу в удобную для себя систему координат, своевольно и тенденциозно ее перетолковывать, подгонять под мерки избранного «изма». Возражая такому подходу, Ванеев писал, что Карсавин не создавал «доктрин»⁶, для него идеальное не есть мир, куда можно воспарить мыслью, чтобы удалиться от реального, для него идеальное и реальное непостижимо совмещены, благодаря чему реальное — осмыслено, а идеальное — жизненно» [9, с. 142]. Это замечание Ванеева предполагает, что текст публикуемой статьи Карсави-

⁵ На это указывают случаи незначительных отклонений от оригинала при цитировании — замены некоторых слов, изменение их порядка и пр.

⁶ Не случайно один из авторитетных российских специалистов по русской религиозной философии С.М. Половинкин (1935–2018) считал глубоко ошибочным весьма распространенное причисление Льва Карсавина к персоналистам [10, с. 943].

на соответствует общим теоретическим положениям карсавинской метафизики и одновременно выражает его живую, постоянно развиваемую мысль, тяготеющую к акцентированию *coincidentia oppositorum*⁷ — со всеми очевидными достоинствами острого взгляда автора и недостатками жанра теоретического этюда, т. е. свободного размышления, обращенного к читателям.

В тезисе Анатолия Ванеева о главном ключе к пониманию теоретической мысли своего учителя слишком легко пройти мимо самого первого и главного: Лев Карсавин всегда был и оставался *религиозным* (курсив наш. — В. Ш., С. С.) автором во всех своих качествах — медиевиста, мыслителя и поэта. Согласиться с этим на словах просто, чего совсем не скажешь о задаче адекватно относиться к религиозному тексту в полноте его собственного значения и иного, но равноценного научному способу познания реальности. Очевидных препятствий для этого немало, в том числе последовательное атеистическое мировоззрение, равнодушное отношение к религии⁸, наукообразие, давно проникшее в богословие под влиянием общего сциентизма, и т. д. Наконец, самой большой трудностью может выступать распространенный сциентизм — убеждение, что все виды познания сводятся исключительно к науке и наука имеет все права вмешиваться в сущностные вопросы человеческого бытия, судить о нравственности, благе, истине. Сторонники такого взгляда не замечают, что есть немало тех, кто абсолютизирует требование научной объективности и находит в нем оправдание личного равнодушия к ценностям и взглядам других людей.

Особенность же религиозного восприятия, в частности религиозного текста, заключается в том, что это понимание предполагает не бесстрастность и, тем более, равнодушие⁹, а личную духовную вовлеченность, глубокую заинтересованность человека в ответах на волнующие его вопросы и темы, иначе говоря, «субъективизм» в виде сердечного отклика на предложенные размышления автора текста. В самом общем виде эта работа мысли и души читателя есть вид духовно-интеллектуального сотворчества, выводящего читателя в режим общения с автором и даже далее — за границы того, что с некоторых пор привычно именуется культурным диалогом. При этом не имеет существенного значения, жив автор или уже покинул наш бренный мир. А.А. Ванеев не сомневался, что любовь к ушедшему

в другой мир человеку есть свидетельство его реального присутствия [11, с. 28]. Религиозное обоснование для такого утверждения мы находим в евангельском стихе: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

С позиций богословской науки уместно вспомнить, что ранние христианские богословы: Максим Исповедник, Григорий Назианзин, Иоанн Дамаскин и др. — ввели для разъяснения догмата Святой Троицы понятие *περιχώρησις*¹⁰. Оно использовалось для уяснения отношений между божественной и человеческой природой Христа. Современные богословы: Иоанн Зизиулас [13; 14], Юрген Мольтман [15], Дэвид Харт [16] и др. — произвели расширительную конверсию¹¹ этой богословской категории и связали перихорезу с более привычным человеку XX в. понятием общения, но общением, трактуемым в качестве онтологической ценности личности, его потребности в живой связи с Богом, благодаря чему человек обоживается и творчески, т. е. созидательно, реализует свои таланты в истории и культуре.

Карсавин предвосхитил многие идеи об отношениях религии, науки и культуры заявленным положением об эвристическом значении христианской догмы¹². В отношении науки это предполагает возможность взаимодополняющего познания творения, мира благодаря двум характерам мысли — религиозному и научному и, следовательно, может рассматриваться как возможность определенной конверсии понятий для обеспечения целостности познаваемого. Что же касается мировой культуры, то сама она есть не что иное, как прорастание и цветение зерна религиозной Истины: «Всякая культура в существе своем религиозна и (по крайней мере — потенциально) церковна. Но в процессе развития происходит ее омирщение, “отделение государства от церкви”: “мир” утрачивает религиозное самосознание и эту утрату называет своим самосознанием» [17, с. 333]. По Карсавину, особенность русско-православной культуры заключена в том, что «она доныне — вопреки обманчивым видимостям — религиозна. В центре мирового развития стоит христианская

¹⁰ *Περιχώρησις* (греч., от *περιχόρεω* χροῖ) — обход, вращение, взаимопроникновение [12]. В литературе встречаются различные транслитерации при передаче этого слова: перихоресис, перихореза и др.

¹¹ Конверсия религиозных понятий, феноменов религиозной сферы в культурологическую теорию представляет собой отдельную и особую проблему, предполагающую необходимость существенных оговорок, а некоторых случаях (прежде всего мистики, мистического опыта) вряд ли решаемую. По крайней мере, на невозможности в полноте передать свой мистический опыт настаивали сами мистики.

¹² Как указывает А.А. Ванеев, «...среди выдающихся представителей русской религиозно-философской мысли Л.П. Карсавин был первым и, по крайней мере, в свое время — единственным, кто в полный голос начал говорить об эвристическом значении христианской догмы» [9, с. 143].

⁷ *Coincidentia oppositorum* — совпадение противоречий — одна из идей теологии Николая Кузанского, позже принятая Джордано Бруно, Фридрихом-Вильгельмом Шеллингом и др.

⁸ Наиболее ярко, выпукло такое отношение выражено в заявлении: «Меня тема Бога в принципе не интересует».

⁹ Апостол Иоанн Богослов свидетельствует, что Бог сокрушается о таком человеке последних времен и о его делах, определяя равнодушного человека как того, что «ни холоден, ни горяч» (Откр. 3:15).

культура; в центре ее — Вселенская Православная Церковь, как определяемая и видимая» [17, с. 333].

Утверждения Карсавина о религиозности всякой культуры и эвристическом значении христианской догмы представляют собой определенные затруднения для заметного числа современных читателей, усвоивших не само вероучение, а его атеистические трактовки, деформированные до крайней, карикатурной степени. Но не избежало этого и заметное число верующих, имеющих отрывочные знания о догматическом богословии или вообще незнакомых с ним. Для Карсавина «д о г м а (разрядка Л.П. Карсавина. — В. Ш., С. С.) и есть всецелая Истина, выраженная в безупречной теоретической форме, но обоснованная не только теоретически, а и практически и потому в теоретическом (познавательном) выражении своем и обосновываемая, и символизируемая» [17, с. 72]. Через осуществление исторической жизни церкви догма определяет и направляет культуру, ее развитие (см.: [17; 18; 19] и др.).

За привычностью утверждений о том, что христианство стало колыбелью гуманистической антропологии, трудно рассмотреть последствия того, как представления человека Нового времени в секулярной культуре, атеистическом мировоззрении разрывают свою связь с догматикой. В парадигме мира без Бога, в отрицании христианских догм библейская эсхатология вытесняется признанием неизбежности прогресса, а догмат о грехопадении человека — идеалом совершенной, «гармонически развитой личности». Карсавин утверждает, что в религии «деятельность неотделима от познания, что в ней [религии] все до последней йоты жизненно и каждой догматической ошибке, какою бы ничтожной она ни казалась, неизбежно сопутствует моральный грех» [18, с. 39–40]. В полном соответствии этому положению отказ от религии, прежде всего, неустранимой греховной поврежденности человеческой природы в западной культуре, приводит к тому, что ранее считавшееся тяжелыми пороками начинает подаваться лишь как «нормальная» индивидуальная особенность и даже признак оригинальной одаренности. Так Карсавин намечает будущую траекторию культа греха в западной культуре, смещения подлинно гуманистического с его изнанкой.

Разъяснять разъясненное — дело неблагодарное, но все же добавим, что положения, предложенные Львом Карсавиным в своей статье, равно как и акценты, им расставленные, предполагают способность читателя помнить еще о принципиальном моменте — о несовпадении теоретической мысли и практической деятельности, наличии разрыва между ними. Это обуславливает запрет на прямой, вульгарный перенос теоретических воззрений Карсавина в координаты агитационной идеологии, тексты нормативных актов, рабочих программ, инструкций: чем более глубоким значением облада-

ет мысль, тем более мелкой, пошлой и вредной она оказывается при попытках осуществить ее прямо, «внедрить» в обыденную практику.

Так, например, умозаключения Карсавина о власти государства, его обязанности воспитывать носителей культуры, о праве принуждать и даже применять насилие в интересах нужного образования и культуры [1, с. 37] совсем не означают требований практических репрессий по отношению к конкретному человеку. Предположивший такое либо совсем не знает, либо совершенно забыл, что в 1922 г. сам Лев Платонович получил опыт пребывания в камере ГПУ на Гороховой, знал, что мог быть приговорен к расстрелу. Как известно, и многие другие его коллеги по философскому цеху были высланы из страны только за свои теоретические взгляды и исповедание православия. Но по своим взглядам он был и оставался государственным человеком, патриотом России и признавал *принципиальное право* государства поощрять и отказывать в поощрении тем или иным видам культурной, образовательной деятельности [1, с. 39].

И наоборот, несмотря на теоретический характер статьи Льва Карсавина, сильно ошибется тот, кто зачислит автора в умствующие интеллектуалы, оторванные от реальной жизни. Публикуемый текст — это не только работа академического профессора-теоретика, но одновременно и обобщение практического опыта одного из реальных руководителей крупнейшего высшего учебного заведения России — Петроградского университета. Л.П. Карсавин был членом его ученого совета, инспектором Историко-филологического института этого же университета, проректором Первого педагогического института при университете, а в периоды отсутствия ректора замещал его [20]. В Петроградском богословском институте после ареста в 1922 г. ректора протоиерея Николая Кирилловича Чукова (1870–1955)¹³ именно на Карсавина, как самого подходящего для этой должности человека, были возложены обязанности руководителя¹⁴. В острых дискуссиях с чиновниками от Наркомпроса он защищал интересы академической науки и высшего образования от грубого, силового насаждения партийного вождизма и мелкого помыкания.

Как известно, первые пять лет после революции были трагическим этапом в судьбе российской высшей школы, когда новая власть последовательно, выражаясь ее же терминологией, «раскалывала» старую образовательную конструкцию [23, с. 197]. Одни части из отломленных от корпуса образова-

¹³ Н.К. Чуков вошел в историю Русской православной церкви как митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий и один из тех, кто воссоздавал и обеспечил преемственность богословского образования в РПЦ.

¹⁴ По причине ареста в 1922 г. это исполнение обязанностей продолжалось очень недолго [21, с. 270; 22].

тельных программ безжалостно уничтожались¹⁵, а уцелевшие насильно сопрягались в новую конфигурацию и цементировались раствором марксистской идеологии под громкое сопровождение лозунгов о классовой целесообразности и молчаливым, в том числе циничным, удовлетворением личных амбиций верхушки партаппарата¹⁶.

Значение деятельности Карсавина по защите интересов академической среды университета, его сопротивления грубым попыткам сломать старую высшую школу не истерлось даже спустя многие десятилетия: коллективная монография, изданная в 1969 г. и посвященная 150-летию Ленинградского государственного университета, была крайне скупой на упоминание фамилий политически нежелательных лиц. Подобных оппонентов у большевиков было предостаточно, но только Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский и П.А. Сорокин были удостоены в юбилейной, имевшей особенное идеологическое значение книге персонального упоминания как участники «реакционной группы профессоров, наиболее яростных противников новых порядков» [24, с. 244]. В действительности никто из них не считал себя политическим противником советской власти и борцом с ней, они лишь сугубо мирными средствами отстаивали право на независимость академической науки, старались уберечь традиции и строй жизни русского университета.

Важное обстоятельство заключается в том, что Карсавин никогда не идеализировал старую систему образования, тем более не призывал к ее реставрации в публикуемой статье: «Когда большевики принимались за “реформу” низшей, средней и высшей школы в уверенности, что школа своему значению не удовлетворяет, они хватались за больное место: школа действительно нуждалась в соответствующей духу русской культуры реформе, а не в частичных поправках. <...> ...Они подсовывали на место дико ими разрушаемого малограмотные продукты пятикопеечной литературы, какую-то смесь французского с нижегородским¹⁷. К несчастью, и деятели старой школы, нередко со стороны ощущая, что не все благополучно, не знали, к чему стремиться» [1, с. 34].

Позитивная часть статьи Карсавина и его убежденность основываются на том, что труднее всего принять современному человеку, погруженному в безальтернативный пафосный поток деклара-

ций об общечеловеческих универсальных ценностях, равенстве культур, их постоянном взаимообогащении и т. п. Льву Платоновичу были чужды подобные взгляды, эгалитаризм во всех его видах, идея необратимости прогресса. Он отмечал в отечественной системе давно обозначившие себя элементы и признаки болезни и считал, что для выздоровления и, далее, для органичного вызревания и развития национальных ценностей необходимо осознание единого, т. е. высшего, организующего принципа, обеспечивающего целостность отечественной культуры во всех ее проявлениях: в науке, в образовании и т. д. Отсутствие такого принципа губительно для любой культуры¹⁸, но у каждой культуры он свой и неповторимый. На протяжении всей статьи он не устает разъяснять свое убеждение, что таким организующим принципом может быть только православие, что «РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ИДЕЯ ОБЛАДАЕТ АБСОЛЮТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ И СМЫСЛОМ» (прописные буквы использованы самим Л.П. Карсавиным. — В. III., С. С.) [1, с. 36].

Карсавин уверен в правоте своей веры, но его формулировки аккуратны, поскольку религиозный философ лучше многих понимает, что от версии их практического раскрытия и его самого, и остальное российское общество отделяет необходимость неспешной обстоятельной работы многих специалистов от науки, образования по их переводу в плоскость практического осуществления.

Помимо этого, Лев Платонович никогда не терял трезвости в оценке реального состояния Русской православной церкви, но при этом и не соглашался с ее огульной критикой: «В конкретном церковном обществе и в официальной проповеди Православия... отрицательные черты действительно обнаруживались. Увидеть же, что они не только не относятся к самому Православию и к Православной Церкви, но им противоречат, можно было лишь выйдя за узкий горизонт просветительской литературы и придя в непосредственное соприкосновение с православной церковной жизнью: с православными старцами и святыми, с православным культом, с православным народом. Этого соприкосновения у русской интеллигенции по условиям ее жизни и воспитания не было, а обездушенная внешняя церковность ухитрялась уничтожать его даже в семинаристах. Таким образом, перед интеллигентами было лишь мнимое православие и мнимая церковь, прагматически настолько неприемлемые, что казалось излишним ставить какие-нибудь положительные задачи критике, т. е. критиковать добросовестно. Отрицание земли во имя неба, пренебрежительное отношение к этически-социальным задачам, противоречивое

¹⁵ Например, были полностью ликвидированы юридические факультеты, исторические отделения историко-филологических факультетов и т. д. (подробнее см.: [24, с. 103–106]).

¹⁶ Характерно откровенное признание, сделанное еще в 1922 г. видным большевиком Г.Л. Пятаковым в личном разговоре с П.А. Сорокиным, что ни о какой вере в построение будущего коммунистического общества в России речь не идет [25, р. 163].

¹⁷ Устойчивое выражение, получившее хождение благодаря комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

¹⁸ Не следует относить взгляды Л.П. Карсавина к какой-либо разновидности релятивизма, он был его принципиальным противником, поскольку релятивизм признает эмпирический мир «единственным реальным бытием, т. е. Богом» [26, с. 42].

соединение проклятий революции с защитой смертной казни, идеал смиренной пассивности — все это принципиально противоречило идеалу русской общественно-философской мысли. И если она не критически выставляла свой идеал, она с легким сердцем ограничивалась поверхностно чисто отрицательной критикой мнимого православия и мнимой религии.

Если бы она, став действительно критическою, обратила критику на себя самое, она бы увидела, что ее идеалы предполагают и потенциально содержат в себе их религиозные основания и что без этих оснований совершенно необъяснимы одушевляющие ее мотивы и пафос» [27, с. 491].

Из процитированного понятно, что, заявляя необходимость преподавания основ православия, Лев Карсавин имел в виду православное вероучение, не сведенное к состоянию, униженному сервилизмом, но православие во всем его богатстве, всей полноте, утверждающее соборную личность. Он был убежден, что русская культура, веками вскармливаемая и воспитываемая православием, не только обладает творческой жизнеспособностью, но имеет назначенную ей Богом особую судьбу и миссию.

В то время как общий хор русской эмиграции исполнял реквием по России, погибшей в 1917 г., Лев Карсавин видел в происходящем в стране ростки ее новой культуры, предвидел неизбежный возврат страны к православию. В этом он видел восстановление правильных взаимоотношений науки и религии: «На смену неудачным попыткам разграничить науку и религию, разделить неразделимое¹⁹, или заменить вторую первой необходимо возобновить средневековое требование: наука должна быть служанкою веры, *philosophia ancilla theologiae est*»²⁰ (подробнее см.: [17, с. 75]). По его мысли, этого можно достичь посредством религиозно ориентированного образования, «ибо образует человека лишь религия» [17, с. 70], нацеленная на воспитание органичного мирозерцания граждан. Уже этим значительно достигается необходимый действенный приоритет гуманитарной основы образования для решения ее центральной задачи — усвоения человеком религиозных истоков русской культуры.

В кратком виде единый принцип Карсавина раскрывается триадой: от общего догматического фундамента православия через организацию целостного

и гуманитарного образования к духовному смыслу научного служения.

Единственной силой, способной обеспечить стране нужную ей систему образования, правильное развитие отечественной науки и культуры, Лев Карсавин считал государство. Он и некоторые его соратники по евразийству считали свою программу настолько убедительной, что спустя год после появления статьи «О педагогике» предприняли отчаянную, но, увы, так и не осуществленную попытку встретиться с Г.Л. Пятаковым, ставшим в 1927 г. руководителем торгового представительства СССР во Франции. Показательно, что полномочия убеждать через него партийно-государственную власть советской страны в целесообразности и перспективности ее сотрудничества с евразийским движением, использования их идей получил Л.П. Карсавин (подробнее см.: [28, с. 258–266]).

Как известно, через несколько лет классическое евразийство первой трети XX в. прекратило существование. В 1930 г. один из основателей евразийства — князь Н.С. Трубецкой (1890–1938), подводя итоги этого проекта и общего развития политической ситуации в СССР, написал: «Мы [теоретики евразийского движения] оказались великолепными диагностами, недурными предсказателями, но очень плохими идеологами» [29, с. 339]. Сегодня, без малого через столетие после того, как были написаны эти слова, когда новый политический курс, избранный государственной властью, фактически во многом не расходится с теоретическими положениями евразийцев, можно сказать, что кн. Трубецкой очевидно поторопился в части своей сверхкритической оценки, что неудача евразийского движения была во многом обусловлена тем, что их идеи не совпали с историческими обстоятельствами, значительно опередили время.

Вместе с тем именно по нынешнему состоянию системы отечественного образования видно, насколько глубоко последствия многолетней практической реализации воинственной атеистической теории «научного» марксизма, выражавшей, по характеристике Льва Карсавина, «бессознательную религиозность» [27, с. 453]. Из советских гуманитарных учебников и учебных курсов средней и высшей школы было изъято или вульгарно перетолковано, объяснено экономическими интересами все, что указывало на подлинное значение христианства и особенно православия. История гуманитарных теоретических дисциплин стала преподноситься в свете идей научно-технического прогресса, культа рационализма, без какой-либо связи с религиозным мирозерцанием, деятельностью и достижениями христианских конфессий в области науки и образования, развитием теологических доктрин и т. п. Так были образованы и воспитаны, а затем воспитывали и образовывали сами поколения советских, а затем российских ученых и педагогов, в том числе полу-

¹⁹ Русские религиозные философы были воспитанниками университетов, сформировались в атмосфере безусловного культа науки. Философия в их представлениях венчала собой древо наук. Под попытками разделить религию и науку они понимали перенос позитивизма в сферу гуманитарной теории.

²⁰ *Philosophia ancilla theologiae est* (лат.) — так в указанном источнике у Л.П. Карсавина — «Философия — служанка богословия». Крылатое выражение, приписываемое Пьеру Дамиану (ок. 1006–1072). Фраза означает, что естественный разум (т. е. не просвещенный благодатью или Откровением) подчинен теологии, как высшей науке.

чивших высокие научные степени и звания, но при этом имевших существенные изъяны в части усвоенных представлений о гуманитарной науке и культуре²¹. Что же касается тех, кто получил естественно-научное образование и кого Карсавин в своей статье называл «медики, физики и даже математики», высказывающие «наивные глупости о философии, истории, литературе» [1, с. 43], т. е. имеющие невежественные суждения о социально-культурных отношениях, то в настоящее время количество их огромно. Эти кризисные последствия деформированной в сторону точного знания системы образования представляют собой отдельную проблему российского общества и культуры.

Необходимо оговорить, что признание теоретических заслуг Карсавина имеет свои границы: некоторые его достоинства и таланты своим продолжением имели недостатки. В частности, по обстоятельствам непростого жизненного пути многие высказанные им ценные теоретические положения были лишь обронены, прочерчены в качестве этюдов, но не разработаны тщательно, как того заслуживали. Лев Платонович и сам мог нередко крайне критически отнестись к той или иной своей прежней работе, усомниться в ее состоятельности. Одну из своих больших книг он вообще открыл краткой одой в прозе, посвященной сомнениям веры: «Есть два пути Боговедения. Один — непосредственная и деятельная вера, которая без сомнений и колебаний, по-детски приемлет Истину; другой — путь мучительных исканий и сомнений, нередко разгорающихся в неутолимое пламя скептической “epoché”²². Сомнение — темный огонь, однозвучная тишина томительного прозябания и мрак, только время от времени пронизываемый светом несомненной Истины, впрочем — сущий именно ею, ибо источник сомнения в несомнительном и жажде его. Деятельна истинная вера. Но в деятельности же выражается и сомнение. Оно дерзко испытует Правду грехом или томится и горит, не сгорая в собственном своем ледяном холоде» [17, с. 13].

Тяжелым душевным испытанием для него обернулся нравственный выбор между благополучием семьи (супруги, трех дочерей) и любимой женщиной²³. Он принес на семейный алтарь эту жертву,

²¹ В современной практике допустимо выделить несколько характерных видов такой деформированной образованности специалистов, в том числе относительно упорядоченной: «тоннельная», характерная для адептов узкой специализации; «перфорированная» — с заметными лакунами в истории развития собственной дисциплины; «лоскутная» — затейливо сочетающая фрагменты основной и смежных дисциплин и т. д. Лишь немногие постепенно осознают потребность в восстановлении общей картины появления и формирования собственной дисциплины, а самостоятельное восстановление утраченной целостности требует много сил и времени.

²² EPOCHÉ (от греч. ἐποχή) — воздержание от суждения, одно из утверждений, активно употребляемых скептиками.

²³ Елена Чеславовна Скржинская (1884—1981), в прошлом

приняв приглашение Каунасского университета, предложившего чрезвычайно высокое жалованье. Но вместе с этим он обрек себя на прозябание в глухой провинции, жил вне широкого, интенсивного философского общения в долгом духовном одиночестве.

Об этой трагической стороне продолжительного периода жизни Льва Карсавина свидетельствует поразительный контраст между всеобщим признанием в наши дни научной и философской значимости его наследия и оценкой результатов творческого пути двумя самыми близкими людьми, действительно понимавшими творческие возможности его личности — Е.Ч. Скржинской и П.Н. Сувчинским²⁴. Каждый из них, причем независимо друг от друга, пришел к выводу, что Л.П. Карсавин не состоялся, как мог бы состояться в той мере, в какой ему были дарованы таланты, каждый сокрушался, что он сам погубил себя добровольным отъездом в Литву [4; 5].

Действительно, если произвести инвентаризацию наследия, созданного Львом Карсавиным в литовский период, перечень его религиозно-философских работ выглядит сравнительно скромным: «О личности» (1929), «Поэма о смерти» (1931), личная богословская переписка с видным теологом, основателем советологии, иезуитом Густавом Веттером (1911—1991) и «Венок сонетов» (1949—1950), созданный в вильнюсской тюрьме. По его собственному признанию, главной причиной самоотстранения от избранной метафизической проблематики стало то, что он «почувствовал себя вопиющим в пустыне» [30, с. 124], т. е. не получал откликов на свои главные идеи, выходившие книги и статьи.

Однако ни Е.Ч. Скржинская, ни П.П. Сувчинский, сделавшие в 1962 г. свои печальные выводы о не реализованном в полную силу таланте Льва Карсавина, тогда не могли оценить грандиозный по замыслу проект многотомной истории европейской культуры. Вышедшие в свет в 1931—1937 гг. на литовском языке 5 томов в 6 книгах²⁵, несмотря на не-

студентка Л.П. Карсавина, ставшая известным советским ученым, медиевистом и филологом.

²⁴ Сувчинский Петр Петрович (1892—1985), граф, музыкальный критик, пианист, один из трех основоположников евразийского движения. Окончил Императорский Петербургский университет, издатель журналов «Музыкальный современник» и «Мелос»; после эмиграции в 1920 г. организовал Российско-Болгарское книгоиздательство в Софии, на базе которого возник первый евразийский кружок, переросший в евразийское движение. Издатель и главный редактор всех евразийских сборников («Евразийский временник», «Евразийская хроника»), журнала «Версты» и газеты «Евразия». Руководитель Парижской евразийской группы. Друг С.С. Прокофьева (1891—1953), Б.В. Асафьева (1884—1949), И.Ф. Стравинского (1882—1971). Имел переписку почти со всеми значимыми интеллектуалами, писателями, поэтами, композиторами, философами своего времени, преимущественно из России и Франции.

²⁵ Нынешняя ситуация, когда на русский язык переведен и издан единственный 1-й том этого объективно востребован-

завершенность всего проекта ввиду ареста в 1949 г., поражают не только широтой охвата, точностью фактов, но и сочностью авторского слога. Как и докторская диссертация Л.П. Карсавина [31], их содержательная часть значительно выходит за границы сугубо научно-исторического труда. Сам автор в полной мере отдавал в этом отчет, отмечая во введении, что «задачи общего курса и объективной науки совершенно отличны» [32, с. 5] и что он вновь вернулся к синтезу своих специальных исследований (курсив наш. — В. Ш., С. С.) [32, с. 6].

И действительно, содержание этих 6 томов таково, что по совокупности наличных признаков и характеристик их, без сомнения, следует отнести к исторической культурологии. Решая поставленную перед собой задачу воссоздания цельной смысловой панорамы европейской культуры, Л.П. Карсавин действительно синтезировал подходы объективной науки, теологии и философии²⁶ так, что догматические представления, расхождения и споры представляли важным центром, определяющим действия образованных лиц, философские идеи трансформировались в идеологические тезисы, все вместе существенно влияло на изменчивые политические приоритеты, научные исследования и т. д.

От страницы к странице и далее энциклопедическая мысль Льва Платоновича то обращалась к самым сложным и тонким вопросам уяснения и уточнения догматов веры, то к особенностям национальной литературы, то к анализу политической ситуации и пр. Но при самых крутых тематических виражах и взлетах им неизменно обеспечивалось главное — целостность авторского взгляда, исследование истории христианских идей в их неразрывной связи со всеми сторонами реальной жизни и культуры. На многое указывали не только названия глав, например: «Историческое значение христианства и христианского богословия», «Христианский аскетизм и Церковь», но еще больше то, что они соседствуют с разделами: «Социально-политический строй поздней империи», «Экономический строй империи» и т. п.

Особое внимание Карсавин уделял миссии церкви, он отмечал, что она «отстояла мировоззрение новой культуры и раскрыла значение всей человеческой истории. Смысл этой истории составляет... сотрудничество Бога и людей во имя создания эмпирического царствия Божия, что осуществимо, разумеется, лишь отчасти, поскольку сама эмпирия составляет лишь малую часть бытия. И эмпирически актуализуя замысел Богочеловека, необходимо преодолеть грех всех людей и всего мира, разъединяющий нас с Богом

и усовершенствовать мир, дабы он смог обратиться в действительный момент совершеннейшего и не эмпирического уже царствия Божия. Ибо христианство тем еще отличается от религии и философии язычников, что Иисус Христос пришел в мир спасти его и людей, а не освободить людей из мира. Потому христианство и есть самая активная вера. Когда эллинистическая культура прощалась уже с жизнью, рождающееся христианство звало к жизни и действию» [32, с. 130]. Как можно почувствовать²⁷, вопреки сравнительно сжато, на первый взгляд, академическому названию труда, Лев Платонович вовлек в изложение множество своих предшествующих работ — исторических, богословских, философских, социально-политических, одновременно перерабатывая и обновляя их.

Поразительная продуктивность авторского метода, объемность его обобщений в этом многотомном труде демонстрируют фактическую возможность синтеза религиозного и научного характеров мысли и позволяют разглядеть контуры потенциала будущего отечественной культурологической теории, ее места и значения, в случае ее обогащения наследием Л.П. Карсавина²⁸. В первом приближении позволительно предположить, что будущая российская культурология может стать особым теоретическим звеном, соединяющим теологию, философию и социальные науки — социологические, исторические, этнографические и другие дисциплины²⁹. Первые, пока еще преимущественно интуитивные и сравнительно робкие, заявки на создание подобной дисциплины под именем «православная культурология» уже сделаны С.В. Лурье [35], есть и другие работы. В свете этих усилий публикаторы расценивают возвращение статьи Л.П. Карсавина отечественным исследователям (приложение), как важный шаг к созданию методологического фундамента будущей российской культурологии и импульс для продолжения такой работы.

²⁷ Библиография, представленная в конце каждого тома, это подтверждает, поскольку содержит выходные данные многих более ранних работ Л.П. Карсавина.

²⁸ В одном из своих писем в начале научного пути Л.П. Карсавин поделился со своим университетским педагогом И.М. Гревсом (1860—1941) о пришедшей ему на ум соблазнительной мысли стать «историческим Кювье» [33, с. 78], т. е. основателем новой теоретической дисциплины. Сегодня будет допустимо заявить, что в отношении культурологии он действительно стал таковым, поскольку первым обосновал, причем в масштабе большой истории европейской культуры и христианства, уникальные теоретические положения о православных основах русской культуры, образования и науки, связав целостно догматику, богословие, философию, науку и эмпирическое воплощение христианской идеи.

²⁹ Вследствие существенных различий категориальных аппаратов, большого разнообразия специальных методов различных наук и теоретических областей, привлекаемых культурологией, необходимости творческой конверсии их результатов в будущем целесообразно отдельно рассмотреть обоснованность применения к культурологической теории определения гибридной дисциплины. Существенное значение здесь имеет мысль Л.П. Карсавина, развиваемая позднее А.А. Ваневым, о продолжении через прерыв [34].

ного и уникального труда, представляется совершенно недопустимой на фоне издания бесчисленного числа западных авторов.

²⁶ Л.П. Карсавин считал, что противоречия между богословием и философией отсутствуют только в идеале, но «эмпирически вражда религии с философией неизбежна» [17, с. 77].

Л.П. КАРСАВИН

О ПЕДАГОГИКЕ³⁰I³¹.

Несмотря на многообразные и богатые открытия, несмотря на успехи техники, европейская наука переживает глубокий, если не роковой для нее кризис. Она оторвалась от жизни, связанная с нею лишь принципом технической полезности, и ее представители все более становятся замкнутой кастой. Она перестала быть религиозным мировоззрением, перестала быть «философией» и органической системой. Вместе с иссяканием западно-европейской религиозности исчезло объединяющее научные занятия с жизнью и наукой в ней само начало: наука свелась к сумме разъединенных сведений, не востребованных в индивидуальном сознании. Не может быть уже не только энциклопедиста в тоне Лейбница, но и математика вообще, историка вообще. Есть только невежественные в ближайших областях специалисты. Узость специализации пропорциональна научной репутации; «энциклопедизм» подозрителен. Синтетическое знание, пожалуй, стало бы еще возможным, если бы в Европе погибло большинство библиотек, издательств, лабораторий, если бы прекратилось книгопечатание. При существующих же условиях, говорят нам, индивидуум не в состоянии освоить всю сумму сведений. Однако все это кажется бесспорным лишь тому, кто стоит на почве современной европейской науки. Ибо дело тут не в количестве, а в качестве. Разложение или тление в специализации есть качество европейской науки и вместе всей европейской цивилизации. Отсутствие единого принципа (попытка подменить его убогой идейкой исторического материализма весьма симптоматична, но отнюдь не спасительна) и равнодушие к нему определяют и предопределяют беспринципность исканий специалиста, который, отрекшись от единства в сфере научного мировоззрения, продолжает разъединяться и разъединять, т. е. разлагать, сферу своей специальности.

Отсюда следует, что не может быть ни системы образования, сводящегося на обучение, ни даже системы обучения, необходимо подменяемой механической суммой всегда и неизменно случайных сведений. Выдвигающиеся время от времени «принципы» явно односторонни и как принципы несостоятельны (Фребель³², Монтессори³³). Университет, уступая ру-

³⁰ Подготовка, примечания и публикация текста: В.И. Шаронов, С.Б. Синецкий.

Текст публикуется по изданию [1]. Место хранения: Российская государственная библиотека. Шифр хранения: ОМФ1 817-90/1931-4. Прописные буквы в особом стилистическом употреблении, разрядка воспроизведены по оригиналу. Подчеркивание Л.П. Карсавина заменено на курсив. Орфография и пунктуация приведены к современной. Отсутствующие слова на европейских языках (см. предисловие) воссозданы по контексту статьи и смыслу предложения, в которых они использовались. Авторское примечание Л.П. Карсавина отмечено знаком * и вынесено за текст статьи, примечания публикаторов даны постранично.

³¹ Наличие начальной нумерации без ее продолжения в данном тексте указывает на вероятный замысел создания в будущем цикла статей на данную тему.

³² Фридрих Фребель (1782–1852) — немецкий педагог, теоретик, один из основоположников теории дошкольного воспитания, автор словосочетания «детский сад», вошедшего затем в практику как устойчивое название дошкольного учреждения. Ключевыми понятиями своей теории обязан И. Песталоцци (1746–1827), к ним относятся «естественное саморазвитие», «самораскрытие способностей» индивида. Как следует из текста Л.П. Карсавина, русского мыслителя не устраивает абсолютизация ограниченного числа образовательно-воспитательных идей, жесткая рационализация и регламентация педагогической доктрины. В начале XX в. идеи Ф. Фребеля были очень популярны в дореволюционной и некоторое время в Советской России. Эта популярность нашла свое выражение в языке: воспитательниц детских садов нередко именовали «детские садовницы» и «фребелички».

³³ Мария Монтессори (1870–1952), итальянский педагог и врач, автор собственной философски ориентированной педагогической системы (центральная работа «Метод Монтессори» опубликована в 1912 г.). Продолжила развитие идей И. Песталоцци и Ф. Фребеля, делая ставку на внутреннюю, т. е. заложенную в ребенке от природы, программу индивидуального саморазвития. Считала

ководящую роль специальным школам, потерял свой смысл *alma mater*³⁴, его единство есть единство управления и сентиментальной мечты о «духе науки»³⁵, но не самого этого духа. Он превратился в ненужное собрание не очень нужных специалистов, часто друг друга не понимающих, с точки же зрения государства – в богадельню для чудаков. Принцип свободы науки свелся в невмешательство государства в дела им призреваемых. Иллюзия – в университете есть система науки. При отсутствии же системы науки не может быть и системы среднего и низшего образования, которое также сводится к заучиванию случайных сведений и многопредметности. Ведь не зная, что и почему важно, приходится признавать важным все. Отсутствие принципа есть утверждение ложного индивидуализма, которое через *égalité*³⁶ XVIII в. приводит к мнимой «выработке» индивидуальности, примерами чего могут служить европейские и русские школы.

Все это можно подробно обосновать и развить, лишней раз конкретизируя евразийскую оценку европейской культуры. Здесь нам важно только иметь это в виду, ибо как раз указанные продукты разлагающейся европейской культуры были привиты здоровому организму культуры русской и тем предопределили судьбу русского образования. Мы отнюдь не склонны умалять значение того, что сделано русскими в науке и в сфере образования, но русского во всем этом было не так много. И чем больше развивалось в России «научное» европейское мировоззрение, тем меньше оно удовлетворяло.

Здоровое и должное стремление русских людей к целостному знанию, к «образованию» оставалось беспредметным. Иные думали, что, выучив «все», они тем самым это «образование» или общее мирозерцание приобретут. Так создавались разные «программы домашнего чтения»³⁷, «домашние университеты»³⁸, «письма о выработке мирозерцания»³⁹ и... факультетские программы, за ними же программы для средней и низшей школы, неизвестно на каких индивидуумов рассчитанные. Разумеется, никакого мирозерцания с помощью подобных операций не вырабатывали, а только забивали индивидууму голову и делали его мало на что годным интеллигентом, которого должно было содержать иска-

задачей образования и воспитания устранение всего, что в окружающей ребенка обстановке и условиях мешает реализовываться этой программе стихийной активности ребенка, не нуждающейся в специальных стимулах. В подходах М. Монтессори нетрудно заметить механистичность и явный культ научности, рационализма, порожденный поразительными успехами науки с середины XIX – первой четверти XX в. (когда была написана статья Л.П. Карсавина).

³⁴ *Alma mater* (лат.) – буквально «кормящая мать». *Alma* происходит от эпитета римских богинь-матерей (Цереры, Кибелы, Венеры и др.). В католической литургии относилось к Деве Марии, но в данном случае использовано Л.П. Карсавиным в значении, которое это словосочетание приобрело в XVII в., как аллегория университета, питающего все науки.

³⁵ Реминисценция на работу В. Дильтея (1833–1911) «Введение в науки о духе» (1883), в которой немецкий философ противопоставил науки о духе и науки о природе, разделив их и по предмету, и по методу. К первым он относил гуманитарные науки – о человеке, истории, политике. В. Дильтей начинал как теолог и историк средневекового христианства, и для его философских построений это имело существенное значение, как и для философии Л.П. Карсавина. Русский мыслитель специально обращал внимание на важность некоторых работ Дильтея, например [36, с. 86].

³⁶ *Egalité* (фр.) – равенство, одно из ключевых понятий и один из главных социальных идеалов Европы, провозглашенных Великой французской революцией, наряду со свободой и братством, о котором до сих пор не заканчиваются теоретические споры. Обоснование и утверждение принципов естественного права и естественного порядка в XVII–XVIII вв. стали результатом сдвигов, произведенных Реформацией, возникшей новой христианской парадигмы под воздействием религиозных доктрин спасения Лютера и Кальвина. Эпоха Просвещения (Гоббс, Локк, Руссо) отвергла постулат о неравенстве всех людей, восходивший к Платону и Аристотелю. Великая французская революция, проходившая под лозунгами свободы, равенства и братства, окончательно утвердила индивидуализм как политическую философию, идеологию и социальное мировоззрение, господствующие в западной культуре. В наиболее кратком виде основной тезис индивидуализма провозгласил Гумбольдт: «Высшим идеалом совместного существования людей представляется мне такое существование, при котором каждый развивался бы только из себя самого и для себя самого» [37, с. 32–33]. Показательно, что именно Гумбольдт, предложил цельную доктрину новой модели университетского образования (*die Universitäts Idee*), тем самым наиболее целостно выразил обсуждение этой темы от Канта и далее – Шиллером, Фихте, Шеллингом, Шлейермахером, Гёте. Это, однако, не означает, что Карсавин отбрасывал полностью все идеи Гумбольдта, так, например, далее в статье он отмечает ценность создания исследовательских институтов в университетах, о чем как об одной из центральных сторон университетского образования заявил Гумбольдт (подробнее см.: [38]).

³⁷ Л.П. Карсавин и сам имел опыт обращения к подобным изданиям. В своей автобиографии, написанной для С.А. Венгерова (1855–1920), он сообщал, что в гимназические годы «в VII–VIII классах начал заниматься сам по “Программам домашнего чтения” (московским) сначала по астрономии, потом (неудачно, по неспособности) по математике и, наконец, по истории» [39].

³⁸ Под этим словосочетанием Л.П. Карсавин имеет в виду всевозможные программы «народных университетов», в XIX в. возникших в Англии, Америке, Дании и других странах, а после первой русской революции получивших легитимность и в России [40; 41].

³⁹ Л.П. Карсавин имеет в виду «Беседы о выработке мирозерцания» Н.И. Кареева переиздававшиеся не менее шести раз. В них отчетливо просматривается апология мировоззренческой позиции индивидуализма. Кареев прямо заявлял: «Мы проповедаем индивидуализм культурный в смысле самостоятельной выработки каждым собственного мирозерцания, признавая в то же время, что личная инициатива может рассматриваться как главный фактор духовного прогресса человечества» [42, с. 173]

лечившее его своей богаделенской политикой государство. Другие, убедившись в недостижимости целостного мировоззрения и не видя, что причина этой недостижимости заключается в дезорганизации европейской науки, отреклись от своих надежд и либо делались хорошими специалистами, на европейский лад, либо погружались после одной-двух работ в бездеятельность. Третьи, наконец, – и таких было большинство – сразу же хватались за какой-нибудь общий принцип и – подобно Михайловскому⁴⁰ – глумились над университетской наукой⁴¹. Но, оторванные от истоков русского Православия, хватались они за самые примитивные формы европеизма, чтобы какой-нибудь элементарнейшей, преимущественно социалистической, идейкой утолить жажду синтеза. Это – русские «мыслящие» реалисты, социалисты всяких сортов, толстовцы (как родовое понятие) и, наконец, большевики-коммунисты. Здоровая и законная жажда синтеза у них все же была; только утолялась она продуктами недоброкачественными.

Таким образом, когда большевики принимались за «реформу»⁴² низшей, средней и высшей школы в уверенности, что школа своему назначению не удовлетворяет, они хватались за большое место: школа действительно нуждалась в соответствующей духу русской культуры реформе, в реформе, а не в частичных поправках. Но, конечно, большевики определяли неудовлетворительность школы не так, как следовало, отождествляя несоответствие ее потребностям русской культуры с несоответствием ее классовому интересу и коммунистическому идеалу. Равным образом, правильно сознавая необходимость единого принципа, они подсовывали на место дико ими разрушаемого малограмотные продукты пятикопеечной литературы, какую-то смесь французского с нижегородским⁴³. К несчастью, и деятели старой школы, нередко со стороны ощущая, что не все благополучно, не знали, к чему стремиться. Этим объясняется, что часть их работала с большевиками, подсовывая им свои «идеи», пытаясь что-то созидать, пока не была придавлена менее культурной, но более энергичной и знавшей свои примитивные задачи коммунистической партией.

Евразийско-русская задача сейчас сводится прежде всего к тому, чтобы найти настоящий единый принцип образования, единую идею. Искать же ее надо в одном Евразийстве. Пред нами неоспоримый факт развала старой школы, такого развала, что всякая возможная работа есть уже работа созидательная. Впрочем, при самом решительном отрицании коммунизма и коммунистической школьной политики следует признать, что кое-что большевиками намечено правильно, хотя главным образом вопреки их собственным намерениям и бессознательно. Так, в конструкции университетов вовсе не плоха идея исследовательских институтов⁴⁴, впрочем, искаженная и урезанная, как не плохо и подчеркивание профессионального момента.

С другой стороны, заслуживают внимания идеи некоторой системы общеобразовательных предметов и общественно-политического образования⁴⁵. Нам кажется, далее, здоровым стремление связывать с общественно-политической жизнью даже среднюю школу. Ведь

⁴⁰ Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — социальный мыслитель, пропагандист социологии, один из ведущих теоретиков народничества, публицист, критик, переводчик. В своей «теории героев и толпы» отстаивал идею природной психологической подражательности. За отправную точку объяснения исторического исследования различных форм общественной жизни избрал отдельную личность (см., например: [43; 44]).

⁴¹ Данное употребление Л.П. Карсавиным глагола «глумиться» выразительно свидетельствует о его способности найти самое подходящее слово, определение: помимо привычного нам значения — «презрительно, высокомерно насмехаться, издеваться», в словарях древних церковнославянских выражений «глумиться» означало «размышлять, углубляться в предмет мысли, поучаться» [45, с. 235]. Как лидер общественного мнения общественных кругов, ориентированных на взгляды либерального народничества, Н.К. Михайловский позволял себе в статьях весьма грубые оценки, едкие издевки в отношении и людей, и идей. Крайняя пристрастность оказала ему плохую службу в отношении состоятельности сделанных прогнозов и значения для потомков творчества В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского и др. Как и Л.П. Карсавин, он критиковал узкую профессиональную специализацию [43, с. 49–50]; хотя и был противоречив в оценках позитивизма, но не раз положительно оценивал философскую школу позитивизма за разрыв с метафизикой (подробнее см.: [46]). Для творчества Н. К. Михайловского в целом характерно отсутствие «четкой демаркации между публицистикой, популяризацией идей других ученых и строго научным изложением собственных идей» [47, с. XI].

⁴² Подробнее см., например: [23; 48; 49].

⁴³ Крылатая и весьма язвительная фраза А.С. Грибоедова («Горе от ума»), по расхожей легенде рожденная забавой гусар — участников войны 1812 г. смешивать шампанское с квасом.

⁴⁴ Например, в 1921 г. по ходатайству Петроградского университета на факультете общественных наук были созданы институты: экономический, правовой, сравнительной истории языков и литературы Запада и Востока, истории и теории искусств, исторический. В это время Л.П. Карсавин входил в состав в ученого совета университета и, очевидно, не стоял в стороне от разработки этой идеи и ее реализации (подробнее см.: [24, с. 293–320]).

⁴⁵ История организации идеологического просвещения в Петроградском университете в 1918–1928 гг. достаточно полно изложена: [24, с. 221–223, 234–243, 321–328].

комсомол, как форма объединения (не как шпионско-хулиганская организация, конечно) соответствует каким-то реальным потребностям молодежи, которые раньше удовлетворялись тайными политическими кружками и только направлены по ложному пути большевиками-коммунистами. Аполитичность школы – принцип неосуществимый и для здоровой государственности неприемлемый. Хуже не то, что в советской школе политика, а то, что это политика коммунистическая, а не евразийская.

Итак, придется в строении школы исходить из того, что есть сейчас, т. е. из школы советской, придется не восстанавливать разрушенное старое, но строить новое, давая свободу тому, что намечилось как здоровое, и предоставляя гибнуть всему, что, в широком смысле слова, определено ложными идеями коммунистов. Я понимаю, что провозглашаемый здесь принцип представляется неопределенным и общим. Тем не менее его высказать надо, чтобы отмежеваться от всяких реставраторских тенденций. Конкретизация же его – дело детальной системы образования, т. е. может быть осуществлена лишь в работе специалистов.

Наша задача – в установлении общих принципов или, как мы выразились, в нахождении основной идеи. И не следует тут поддаваться сиренам либерального европеизма. Эти сирены будут без конца петь про относительность всяких идей, про невозможность синтетической науки и синтетического образования. Они будут петь о заслугах европейской науки и техники, которых мы не отрицаем, и заглушать их недостатки, которые нам известны. Но ведь мы как раз и отрицаем, что все идеи равноправны и равно относительны. Мы знаем, что РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ИДЕЯ ОБЛАДАЕТ АБСОЛЮТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ И СМЫСЛОМ. Это значение и этот смысл нисколько не опорочены тем, что абсолютизирование относительных идей прогресса, социализма и т. д. принесло и приносит много вреда. Основываться на Православии еще не значит основываться на относительном и впадать во что-то подобное социалистической мономании. Далее, мы убеждены в исторической ценности евразийской культуры, в том, что именно теперь она подошла к возможностям своего раскрытия и что ей принадлежит долгое развитие. Мы хотим строить образование на потребностях существеннейшего исторического момента, обоснованного Православной идеей, а не на относительной, взятой на прокат у Запада идейке, как и не на официальной народности⁴⁶ доброго старого времени.

Осуществление относительной идеи или же идеи в относительном упрощенном ее понимании необходимо становится фанатичным. Напротив, истинная и абсолютная в своем обосновании идея к фанатизму привести не может. За ее осуществление приняться не страшно, даже если необходимы меры понудительные. А они необходимы, если мы не хотим вернуться к параличному состоянию предреволюционной русской государственности, и необходимы именно в данный исторический момент. Пора бросить маниловское теоретизирование. Можно разное оценивать принуждение, но бесспорным фактом является то, что всякое образование предполагает внушение, принуждение, даже насилие. В данный же момент, когда перед нами стоят мучительно трудные задачи создания костяка евразийской культуры – евразийской государственности, особенно важно не пренебрегать государственным интересом. Нельзя предоставлять подрастающее поколение самому себе. Тогда из него ничего не выйдет. В сфере образования подобное «уважение» (?) к личности (?) является для государства преступным равнодушием. Государство о б я з а н о воспитывать носителей с в о е й культуры (а не всечеловеков). Лучше, если оно в деятельности своей, в конкретизации своего идеала иногда и ошибется, чем если будет бездействовать. А оно непременно бездействует, тем самым упраздняя себя и разлагаясь, когда, поддаваясь либеральным сантиментам, ограничивает свою роль даянием народных денег на «развитие индивидуальностей», т. е. на растление малолетних.

Евразийское государство должно определять систему своего образования (не только обучения) точно и детально, внимательно надзирая за частными опытами и их регулируя.

Оно должно сочетать обучение с общественно-политическим воспитанием. Оно должно знать, какое мирозерцание граждан ему нужно, какие ему нужны граждане и специалисты. И, в связи с этим, оно не должно плодить «образованных людей вообще», не год-

⁴⁶ Л.П. Карсавин противопоставляет свои подходы известной теории официальной народности — официальной идеологии Российской империи с триадой «православие, самодержавие, народность» С.С. Уварова (1786–1855). Она представляла собой главным образом антитезис лозунга Великой французской революции «Свобода, равенство, братство», что давало основания упрекать С.С. Уварова в сужении православия до его политического значения, в превращении вероучения в политический инструмент (см., например: [50]).

ных обычно даже на племя⁴⁷, но специализировать образуемых, т. е. придать образованию конкретно-практический характер, руководствуясь, конечно, способностями образуемых, но прежде всего – нуждами государства.

Эти положения могут считаться жесткими, хотя к тому же стремится, более или менее, неумело и робко, всякое здоровое государство. Впечатление жесткости, которое мы намеренно подчеркиваем, объясняется многим. Во-первых, оно обусловлено сентиментальными либерально-европейскими навыками и русским интеллигентским прекраснотушием. Во-вторых, оно вызывается невольным сопоставлением и ошибочным отождествлением намечаемого с ложными формами государственности – с «официальной народностью»⁴⁸, с большевизмом школьным разбоем. Не надо забывать, что евразийская идея лишь выражает евразийскую культурную стихию, а потому евразийская государственность может быть лишь органом евразийского культурного мира и, следовательно, во всей своей власти – только его самоопределением. Тем же, кто усомнится в законности притязаний евразийства, кто станет указывать на возможность ошибочности истолкования нами русской воли и русской идеи, мы сможем ответить так: попробуйте строить Россию и русское образование на идее, которую сами считаете относительной или ошибочной, либо без всяких идей. Попытайтесь преодолеть коммунизм и ввести в русло разбуженные им стихии слюнявым прекраснотушием. Мы искали религиозно-идейное основание и нашли его. Мы готовы исправлять все ошибочное, но пока ошибок не находим. Если же они все-таки есть – их исправит сама жизнь; если они существенны – не видать ни нам, ни продолжателям нашим власти и жизни, сметет нас так же, как смела уже многое. В наших утверждениях есть большой риск и большая ставка. Но если мы правы, в чем не сомневаемся, тогда все возможные возражения бьют мимо цели.

Из всего сказанного вытекают некоторые существенные задачи.

1. Во-первых, представляется необходимою ясная и централизованная организация самой научной работы. До известной степени к этому должна была стремиться и стремиться, надо признавать факты, с особенной энергией со времени революции – Академия наук. Но Академия наук по самой природе своей является тем же случайным собранием плохо понимающих друг друга специалистов, объединенных абстрактной мечтой о единстве науки, которого в рамках европейского понимания науки нет. Кроме того, она определяется наивной верой европеизма в «науку для науки»⁴⁹ и надеждой, что именно эта вера принесет золотые яблоки Гесперид⁵⁰. Как основа объединения Академия наук непригодна, во всяком случае, недостаточна без высшего органа, обладающего государственной природой. Такой орган большевики попытались создать, выделяя в «наркомпросе» научный отдел и учреждая Государственный ученый совет (ГУС)⁵¹. Конечно, и здесь правильная мысль с самого начала была искажена коммунистически-партийными соображениями, грубым практицизмом⁵² и элементарной идеологией. Конечно, то, что сделано хорошего в области архивоведения, музееведения, организуемых той же академией предприятий, сделано не большевиками, а русскими культурными силами. Тем не менее некоторой полезности не-

⁴⁷ В данном случае — не годных для воспроизводства в качестве некоего эталона.

⁴⁸ См. примечание об официальной народности выше.

⁴⁹ Тезис восходит к Аристотелю, считавшему метафизику вершиной наук, не связанной с материальными нуждами и потому имеющую ценность в себе самой. Исторически в силу прежде всего социально-политических обстоятельств лозунг «наука ради науки» приобрел различные звучания, но всегда представлял полюс, противоположный отношению к философии и науке, как призванный решать практические проблемы и служить достижению утилитарных целей — материальных, экономических, политических и пр.

⁵⁰ Яблоки Гесперид, известные из греческого мифа о двенадцатом подвиге Геракла, — метафора, символизирующая здесь вечную молодость науки, расцвет научного познания. В свою очередь, эта, по Л.П. Карсавину, «наивная вера» опирается на идею неумолимого прогресса, против каковой он принципиально и решительно возражал [35, с. 231–248].

⁵¹ Государственный ученый совет (ГУС) — руководящий научно-методический орган Наркомпроса РСФСР. Образован на основании решения отдела вузов в 1919 г. и упразднен в 1933 году. Ко времени публикации статьи Л.П. Карсавина имел четыре секции: научно-политическую, научно-техническую, научно-педагогическую, научно-художественную (о деятельности ГУС подробнее см.: [51]).

⁵² Замечание Л.П. Карсавина свидетельствует о том, что он внимательно следил за происходящим в СССР по публикациям в советской прессе. В данном случае он отреагировал на дискуссии, порожденные решением ГУС внедрить в школы преподавание по «комплексам». Прежний, т. е. предметный, подход был объявлен тормозом новой школы. Программы было решено ориентировать на задачи социалистического строительства. Они перегруппировывались по «комплексам», для чего объединялись в три блока — природа, труд, общество. «Предполагалось, что обучение будет происходить в процессе общественнополезного труда учащихся, при непосредственном их участии в преобразовании природы. Таким образом, мыслилось дать школьникам всестороннее политехническое образование, привить им коммунистическое мировоззрение, сделать их сознательными участниками социалистического строительства» [52, с. 38].

вой установки уже отрицать нельзя. Отстаивая принцип государственной организации научного труда, мы, само собой разумеется, выдвигаем не меры запретительные, но меры покровительственные (ассигнования, премии и т. п.). Вместе с тем в наших предположениях нет никаких посягательств на «свободу» научной мысли и научного творчества, кстати сказать, реально существующую ныне только в сентиментальных мечтаниях. Мы полагаем только, что стремление к свободе достойно и истинно только в том случае, если не сочетается с надеждой на данное меценатство, хотя бы и ведь государства, и что государство, как орган народной воли, не только вправе, но и обязано оценивать продукты свободного творчества по их качеству и ценности. В связи с этим стоит и целевой (не узкопрактический, но руководимый отчетливоосознанной целью) характер образования. Наивное стремление приобрести общее мирозерцание должно сочетаться с сознанием той сферы жизни, в которой учащийся будет его осуществлять.

2. Вторым моментом в организации образования, и моментом существенным, особенно в первое время, когда придется энергично бороться с остатками коммунизма и интеллигентщины, с одной стороны, и насаждать новое мировоззрение – с другой, является агитационно-просветительная деятельность. Необходимо заменить коммунистический «политпросвет» равным ему по силе и значению аппаратом, а не возвращаться к бесконтрольным народным университетам и лекциям.

3. Но совершенно справедливо, что важна не схема организации и не схема работы, а кадр[ы] работников. Поэтому особым значением и обладает прежде всего сеть педагогических учреждений (педагогические факультеты, перекрещивающиеся с другими факультетами университетов, педагогические институты, курсы, учительские семинарии и т. п.). В правильной организации их – вся проблема будущей системы образования. И первое время придется довольствоваться временными, частью случайными, кадрами и приблизительными решениями.

Тем необходимее теперь наметить основные принципы.

В отличие от дореволюционной системы образования, которая была лишена объединяющего начала и только внешне сочетала омертвевшую схему официальной церковности с принципиальной разъединенностью европейского «научного» мирозерцания⁵³, евразийская система должна быть построена на начале православно-русской религиозности.

Этим, однако, не исключаются ни иновение с инославием, ни инородческие культуры. Ибо: 1. Евразийство рассматривает инославие и иновение как потенциальное православие, во многих отношениях более близкое Православию, чем западные формы христианства, и долженствующее актуализоваться в Православие свободно, из себя самого, а не путем внешнего принуждения. Ибо: 2. Идеал евразийства не в русификации, а в гармонизации евразийских организмов, венчаемых русским. Поэтому, если школа для православных русских людей строится на русском церковном Православии, в школе иновенной и инославной необходимо лишь объективное знание о Православии, о Православной и Русской церкви, сама же эта школа должна строиться на вере и исповедании данного евразийского организма, т. е. на потенциальном (с нашей точки зрения) православии. Этим исключается всякое принуждение. И с евразийской точки зрения нет ничего противоречащего единой культуре в том, что мусульманин, ламаист и т. д. считают и будут считать свою веру единственно истинной, а христианскую заблуждением. Христианизация языческих организмов может и должна совершаться иным путем, а главное, свободно. Реальность защищаемой нами установки может быть легко проверена, если мы обратим внимание на отсутствие в Православии воинствующего прозелитизма и на обычные отношения между русскими православными и иновенцами.

С принципом православной религиозности естественно сочетается принцип национальности (не национализма). Здесь первенствующее место должно принадлежать великорусской православной национальности. Но опять-таки это нисколько не должно приводить к умалению не-великого русского национального, которое в невеликорусской школе должно оставаться вторым центром и вторично лишь потому, что не может быть без первого. Нет оснований бояться ни шовинистического национализма, являющегося лишь ре-

⁵³ Л.П. Карсавин указывает на оторванность Русской церкви от новых проблем и вопросов человека и общества, возникших и обострившихся в XIX в., на отсутствие живой и глубокой связи университетского образования, преимущественно ориентированного на западную науку, с богословием и практикой.

акцией на русификацию, ни вообще борьбы местно-национального с великорусским. Общее – не великорусское, а евразийское, русское же первенствовало и первенствует донныне лишь как наилучший носитель общеевразийского*. Другого такого носителя сейчас нет и не предвидится в ближайшем будущем. Не следует, наконец, опасаться того, что благодаря двум центрам получится переобременение материалом. Кому же не ясно, что школьные программы нуждаются в радикальнейшем сокращении. И до сих пор прогрессирующее переобременение материалом учащихся объясняется беспринципностью «научной» мысли, в силу чего сумма сведений заменяла систему знаний, а заучивание – образование. Именно благодаря этому о дореволюционной России можно сказать, что в ней действительная ценность школы была обратнопропорциональна ее репутации.

Концентрируя образование около религиозно-национального момента, мы тем самым порываем с ложным принципом современной европейской культуры. Она во главу угла ставит так называемое «точное знание», т. е. прежде всего математику, а затем «естествоведение». Науки гуманитарные оказываются неорганическим придатком, и второстепенность их маскируется только схоластическим классицизмом. Между тем перенесение центра тяжести на науки гуманитарные может быть не только обосновано религиозно-национальным принципом, а и самую природу этих наук и даже... фактическим положением школьного образования. По сравнению с методами гуманитарных наук (истории, философии, лингвистики) методы наук естественных представляются элементарными и бедными. Догадка в естествознании едва ли далеко отходит от падающего яблока или поднимаемой паром крышки чайника. Таким образом, освоивший методы наук гуманитарных тем самым освоил уже методы наук естественных, но не наоборот. Получивший гуманитарное образование может быть невежественным в естествознании (что, конечно, плохо), но он все в состоянии понять и не станет высказывать наивные глупости, тогда как хорошо известно, что говорят о философии, истории, литературе, медицине, физике и даже математике. Правда, преимуществом наук о природе является требовательная точность. Но для того, чтобы понять их значение и приобрести соответствующие навыки, надо очень немного, и никто не говорит о полном исключении естествознания из школьных программ. Речь идет о том, чтобы отвести его на второе место. И вполне естественно, что именно естествознание должно быть связано с профессионально-практическими задачами образования. Ведь естественно-научное знание и есть знание о том, как можно использовать природу. В этом отношении можно отметить весьма характерные тенденции современной дидактики⁵⁴. Но не следует также забывать, что, вопреки лозунгам и устремлениям, низшая и средняя школа оставались донныне преимущественно гуманитарными и даже естествознание в ней главным образом исторической и описательными сторонами. Ведь теория эволюции вовсе не естествознание, а плохая история.

По всем этим соображениям представляется необходимым в основу школьного плана положить науки гуманитарные, отводя на второй план математику и на третий – науки естественные. Но основоположность гуманитарного момента отнюдь не совпадает с классицизмом, не говоря уже об уродливых формах его. Классицизм лишь вид европеизма. С латинством евразийская культура связана мало и преимущественно отрицательно. Она органически связана только с греческой культурой, но еще более с культурами собственно Евразии и Азии. Латынь же и латинско-германские культуры могут обладать для некоторых частей Евразии лишь обусловленным историей XVIII–XX вв. инструментальным значением. Что же касается чисто образовательного значения древних языков, так те же самые результаты, разумеется, достижимы и на другом материале: на изучении русского, церковнославянского и других евразийских языков.

Попытаемся пояснить сказанное примером, имеющей лишь показательное значение схемой. В школах православных земель можно бы было положить в основу прежде всего «Закон божий», т. е. основы православного религиозно-нравственного учения, «священную историю», являющуюся введением в общую историю, и историю церкви. На этот «предмет» должна нарастать история, программы которой нуждаются в коренном преобразовании. Именно в центре всего нужно поставить историю Евразии и по связи с ней выдвинуть

⁵⁴ По всей вероятности, либо опечатка, либо искаженное до близкого к украинскому звучанию слово. Во втором случае может объясняться тем, что рукопись Л.П. Карсавина перепечатывалась для mimeографа лично П.Н. Савицким, чье детство и юность прошли в Чернигове, либо кем-либо из сотрудников редакции с украинскими корнями. Но в любом случае имеется в виду дидактика.

историю Востока (Китая, Индии, Средней и Малой Азии), отодвинув на второй план европейскую, которая должна изучаться в связи с историей Евразии – России, а не параллельно ей и не ради самой себя. Здесь действительно полезно поучиться у Запада и вспомнить, как, например, во французских школах изучают историю Германии, Италии, России, а не заставлять русских детей изучать историю Франции по учебникам, в подробности своей соответствующим – французским, историю Германии – по немецким учебникам и т. д. (как это было в России). Нам представляется, что в древней истории внимание должно быть направлено главным образом на эпоху эллинизма, в которую включается и Рим (для евразийцев интересна по преимуществу Римская «империя» и гораздо меньше интересен период «республики»; между тем именно историей «республики» забивали по преимуществу головы нашим юнцам), в средневековой истории – на Византию, арабов и Германию, в новой – на граничащую с Евразией Европу. В школах восточной и зауральской России центр внимания, естественно, еще более перемещается в Азию.

В связи с историей стоит и история литературы, перестраиваемая аналогичным образом, причем здесь, как, впрочем, и вообще, желательно избежать чрезмерного дробления предметов между разными преподавателями. Литература, как история культуры, быта и общественно-политических движений, естественно сливается с историей, тогда как языковая сторона отходит к лингвистическим предметам, а эстетическая – к сфере образования художественного, которому должно быть в школе отведено соответствующее место. (Задача его – научить эстетическому восприятию слова, музыки и изобразительных искусств.)

Особую группу предметов составляют лингвистические предметы. Основным материалом – русский язык, церковнославянский (по крайней мере, для православно-русских школ), греческий, м[ожет] б[ыть], даже элементы латинского и азиатские языки (турецкий, арабский, китайский и т. д.), причем один-два языка наряду с общеобязательным русским определяются местными и этнографическими условиями. На этом материале должны быть освоены методы лингвистики и основные принципы языковедения.

Если рассмотренные группы предметов, по возможности сосредоточенные в руках немногих преподавателей, связаны преимущественно с проблемами общего образования и общественно-политического воспитания, математика и естествоведение определяются преимущественно теми или иными практическими или профессиональными задачами школы. Эти задачи могут быть весьма разнообразны, особенно если принять во внимание, что необходимо, сохраняя единую школу, разделить ее на самодовлеющие ступени и различать типы школ по этнографическому и профессиональным принципам (низшие сельские и городские, средние сельские и городские, педагогические, университеты и высшие специальные).

Мы намечаем лишь самые общие принципы⁵⁵. Они подлежат обсуждению и развитию, что достижимо лишь путем выработки конкретных планов и программ. В такой конкретизации само собой обнаружится, что принципы эти не так новы и страшны, как может казаться с первого взгляда, что они при благоприятных условиях легко осуществимы и во многом связаны с данным положением дел, из которого и надо исходить.

* Правильность этого последнего положения в особенности обосновывается тем, что за императорский период (а отчасти и ранее) *отбор лучших сил Украины* (и Белоруссии) сопрягся в едином желании с силами Великороссии; и потому вновь ожил (после некоторого перерыва) принцип *единой русской культуры*, с которого ранее того начиналась русская история. В отношении этого принципа «великорусское» отмечено теми же чертами «местного», как и украинское (или белорусское); что, впрочем, отнюдь не устраняет «прав» местного великорусского, украинского или белорусского на существование и развитие. В соответственно видоизмененном виде (с обращением к единой евразийской культуре) то же касается других народов Евразии.

Л.П. Карсавин.

⁵⁵ Л.П. Карсавин отчетливо сознавал возможность появления упреков в адрес этого текста. В своем письме к П.П. Сувчинскому от 07.10.1925 г. он сообщает: «Записка о школе ("Сасатесит евразийского педагога") окончена, получила одобрение П[етра] С[авицкого]... меня самого [она] очень не удовлетворяет: слишком я абстрактен, философичен и неестественен для выполнения подобных задач» [53]. Новообразование «сасатесит» – создано Карсавиным из двух латинских слов «саса» – «дерьмо» и «тесит» – «с собой». Все вместе – саркастическая аллюзия на крылатый афоризм Цицерона «Все свое ношу с собой».

Список источников

1. Карсавин Л.П. О педагогике // Евразийская хроника / под ред. П.Н. Савицкого. Прага, 1926. № 4. С. 31–47.
2. Письмо Л.П. Карсавина П.П. Сувчинскому от 10.03.1926 г. // Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (ДРЗ). Коллекция В.Е. Аллоя. Оп. 1. Ед. хр. 42.
3. Письмо И.Л. Карсавиной от 26.06.1955 г. Письма Карсавиной Ирины Львовны, дочери философа Карсавина Л.П. (Вильнюс, пос. Явас), Ванееву А.А. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-1012: [Ванеев Анатолий Анатольевич (1922–1985) — поэт, религиозный философ]. Оп. 1. Д. 71. Л. 16 об.
4. Е.Ч. Скржинская — М.В. Юдиной. 22 апреля 1962 г. // Юдина М.В. Дух дышит, где хочет. Переписка 1962–1963 гг. / сост. А.М. Кузнецов. Москва : РОССПЭН, 2010. С. 139–140.
5. П.П. Сувчинский — М.В. Юдиной. 12 марта 1962 г. // Юдина М.В. Дух дышит, где хочет. Переписка 1962–1963 гг. / сост. А.М. Кузнецов. Москва : РОССПЭН, 2010. С. 66–71.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : сборник. Москва : АСТ, 2002. С. 11–208.
7. Карсавин Л.П. София земная и горняя : [неизданное гностическое сочинение] // Стрелец. 1922. № 3. С. 68–94.
8. Жвиргждас [Повилас Буткявичус]. О Л.П. Карсавине. Приложение 2 // Морозов Н.А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 годы). Сыктывкар, 1998. С. 141–144.
9. Ванеев А.А. Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина // Звезда. 1990. № 12. С. 138–151.
10. Половинкин С.М. Русский персонализм. Москва : Синтаксис, 2020. 1156 с.
11. Иванов К.К. А. Ванеев — ученик Л. Карсавина // Иванов К.К. Камни. Санкт-Петербург, 2016. С. 26–33.
12. Περὶ χόρων // Logeion. The University of Chicago. URL: https://logeion.uchicago.edu/περι_χόρων (дата обращения: 15.12.2024).
13. Зизиулас И. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. Москва : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. 280 с.
14. Зизиулас И. Общение и инаковость. Новые очерки о личности и церкви. Москва : ББИ, 2012. 407 с.
15. Стрижачук Ф. Христианская эсхатология против утопии : Богословие надежды Юргена Мольтмана // Богомыслие. 2020. № 28. С. 46–57.
16. Харт Д.Б. Бог. Новые ответы у границ разума : современная наука, философия, религия, психология о божественном. Москва : Эксмо, 2019. 368 с.
17. Карсавин Л.П. О началах : (опыт христианской метафизики) / подгот. текста, авт. послесл. А.К. Клементьев. [Paris] : YMCA-PRESS ; Петербург : Scriptorium : Мфра, 1994. 375 с.
18. Карсавин Л.П. Восток, запад и русская идея. Санкт-Петербург : Academia, 1922. 80 с.
19. Карсавин Л.П. Уроки отреченной веры // Евразийский временник. 1925. Кн. 4. С. 82–154.
20. О назначении преподавателем института Л.П. Карсавина // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3733. Л. 74, 75, 89, 95, 96, 97, 100, 101.
21. Александрова-Чукова Л.К. Петроградский богословский институт // Православная энциклопедия. Москва : Православная энциклопедия. 2019. Т. 56. С. 264–272.
22. Бовкало А.А. Новое о Л. Карсавине // Вильнюс. 1994. № 4. С. 145–146.
23. Купайгородская А.П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть, 1880-е — начало 1920-х годов : материалы Международного научного colloквиума. Санкт-Петербург : Дмитрий Булаин, 2003. С. 185–201.
24. История Ленинградского университета. 1819–1969. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1969. 663 с.
25. Sorokin P.A. A Long Journey: The Autobiography of Pitirim A. Sorokin. New Haven, Connecticut : College and University Press, 1963. 327 p.
26. Карсавин Л.П. Об опасностях и преодолении отвлеченного христианства // Путь. 1927. № 6. С. 32–49.
27. Карсавин Л.П. Проект истинной декларации евразийцев, или им мое [Л. П. К.] философски-политическое, но общепонятное завещание // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 437–510.
28. Колеров М.А. Введение в идейную историю русской эмиграции (1917–1991). Калининград : БФУ им. И. Канта, 2024. 416 с.
29. Письма Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому. 8–10 декабря 1930 // Соболев А.В. О русской философии. Санкт-Петербург : Миръ, 2008. С. 333–343.
30. Гаврюшин Н.К. Переписка А. Веттера с Л. Карсавиным // Символ : журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. 1994. № 31. С. 97–169.
31. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках / подгот. к изд. А.К. Клементьева ; послесл. и коммент. А.К. Клементьева, С.Ю. Клементьевой. Санкт-Петербург : Алетей, 2017. 418 с.
32. Карсавин Л.П. История европейской культуры. Санкт-Петербург : Алетей, 2003. Т. 1 : Римская империя, христианство и варвары. 335 с.
33. Письмо Л.П. Карсавина к И.М. Гревсу от 23.08.1911 г. // Российская историческая мысль : из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина, письма И.М. Гревсу (1906–1916). Москва : ИНИОН РАН, 1994. С. 77–81.

34. Ванеев А.А. Вторая новизна // Символ : журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. 1994. № 32. С. 211–248.
35. Лурье С.В. Опыт переформатирования дисциплины: культурология на основании православной антропологии // Тетради по консерватизму : альманах. Москва, 2021. № 2. С. 105–140.
36. Карсавин Л.П. Философия истории. Санкт-Петербург : Комплект, 1993. 351 с.
37. Гумбольдт В. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства // Гумбольдт В. Язык и философия культуры / пер. с нем. яз. Москва : Прогресс, 1985. С. 25–141.
38. Кащеев В.И. Вильгельм фон Гумбольдт, «идея университета» и Берлинский университет // Современное научное знание: теория, методология, практика : сборник научных трудов по материалам XI Международной научно-практической конференции. Смоленск : Наукосфера, 2019. С. 9–12.
39. Автобиография Л.П. Карсавина [позднее 1912 г.] // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 1731.
40. Генкель Г.Г. Что такое народный университет? : Его история, задачи и организация. Санкт-Петербург, 1908. 20 с.
41. Грацианов Н.А. Народные университеты в Западной Европе, Северной Америке и в России. Нижний Новгород : Сеятель, 1906. 47 с.
42. Кареев Н.И. Беседы о выработке миросозерцания : Продолжение «Писем к учащейся молодежи о самообразовании», с кратким указателем самообразовательного чтения. Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1895. 179 с.
43. Михайловский Н.К. Борьба за индивидуальность : (Социологический очерк) // Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии в двух томах. Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. Т. 2. С. 229–267.
44. Михайловский Н.К. Что такое прогресс // Михайловский Н.К. Сочинения. Изд. 4-е. Санкт-Петербург : Типография Н.Н. Клобукова, 1906. Т. 1. С. 17 – 166.
45. Клименко Л.П. Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири: Ч. 1 : псалмы 1–50 ; Ч. 2 : псалмы 51–100 ; Ч. 3 : псалмы 101–150. Нижний Новгород : Христианская библиотека, 2012. 560 с.
46. Голосеева А.А. Критика позитивизма в работах Н.К. Михайловского // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия Философия. Социология. 2010. № 3 (46). С. 44–58.
47. Козловский В.В. Социологическое наследие Н. Михайловского // Михайловский Н.К. Герои и толпа : Избранные труды по социологии : в 2 т. Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. Т. 1. С. I–XXI.
48. Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2007. 404 с.
49. Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2014. 262 с.
50. Гайда Ф.А. «Православие» в триаде С.С. Уварова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 100. С. 32–46.
51. Помелов В.Б. Программно-методическая работа Наркомпроса РСФСР в первые годы советской власти // Вестник Вятского государственного университета: философия, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 95–104. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.042.
52. Волков В.С. Дискуссии 1920-х годов по проблемам образования и судьбы их участников-педагогов // Интеллигенция и мир. 2011. № 3. С. 34–62.
53. Письмо Л.П. Карсавина П.П. Сувчинскому от 07.10.1925 г. // Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (ДРЗ). Коллекция В.Е. Аллая. Оп. 1. Ед. хр. 36.

*Иллюстративный материал
предоставлен авторами статьи*

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 11.03.2025.

Karsavin's Principle: Peculiarities of Reading the Cultural and Educational Strategy in the Article “On Pedagogy”

Vladimir I. Sharonov ^{1 a},
Sergey B. Sinetsky ^{2 b}

¹ Western Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
62 Artilleriyskaya Str., Kaliningrad, 236016, Russia

² Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
36 A Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk, 454091, Russia

^a ORCID 0000-0002-9708-1446; SPIN 2960-2061;
sharonovvi@gmail.com

^b ORCID 0000-0003-2753-0987; SPIN 4285-0959;
sbs62@mail.ru

Abstract. *The article is an analytical essay that precedes L.P. Karsavin's (1882–1952) work “On Pedagogy”. Despite its mention in bibliographies, it is virtually unknown, as it was published only once in 1926 in a journal with a sporadic circulation. The authors of the preface offer their view on the features that should be taken into account for a better understanding of Lev Karsavin's religious and philosophical thought and reveal the circumstances of his biography that served as a basis for addressing the topics of education. The central motive of the research preface is the relevance of Karsavin's ideas for modernity. Among them, the importance of the value hierarchy of theoretical ideas for the development of Russian culture stands out. Karsavin called it the collective notion of the “unified principle” of educational organisation. It is he who ensures the integrity of Russian culture and its “genuine development”. According to the philosopher's conviction, Orthodox doctrine and Orthodox dogmatics should become such a principle: they have for centuries defined and guided Russian culture, nurtured the spiritual values of Russia's national consciousness and its traditions. On the contrary, the dogmatic errors of the Western churches have led to individualism, a cult of vices, and socio-cultural deformations.*

In the opinion of the authors of the essay, many provisions of this and other works by Karsavin also outline the trajectory of the development of Russian cultural theory, and represent elements of the methodological justification of it as a synthetic (or hybrid) discipline, capable of integrating the potential of theology and philosophy of culture and social sciences, without rejecting the accumulated positive heritage of Soviet and Russian cultural studies schools.

Key words: Karsavin L.P., philosophy of education, integrity of culture, Orthodoxy, Eurasianism, philosophy of culture, religious culture.

Citation: Sharonov V.I., Sinetsky S.B. Karsavin's Principle: Peculiarities of Reading the Cultural and Educational Strategy in the Article “On Pedagogy”, *Observatory of Culture*, 2025, vol. 22, no. 2, pp. 116–137. DOI: 10.25281/2072-3156-2025-22-2-116-137.

References

1. Karsavin L.P. On Pedagogy, *Evrasiiskaya khronika* [Eurasian Chronicle]. Praga, 1926, no. 4, pp. 31–47 (in Russ.).
2. Letter of L.P. Karsavin to P.P. Suvchinsky, Dated 10.03.1926, *Arkhiv Doma russkogo zarubezh'ya im. A.I. Solzhenitsyna* [Archive of the A.I. Solzhenitsyn House of Russian Abroad], collection of V.E. Alloy, aids 1, item 42 (in Russ.).
3. Letter of I.L. Karsavina, Dated 26.06.1955. Letters of Irina Lvovna Karsavina, a Daughter of Philosopher Karsavina L.P. (Vilnius, Yavas Village), to A.A. Vaneev, *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg], coll. R-1012: [Vaneev Anatoly Anatolievich (1922–1985) — Poet, Religious Philosopher], aids 1, fol. 71, p. 16 verso (in Russ.).
4. E.Ch. Skrzhinskaya to M.V. Yudina. April 22, 1962, *Yudina M.V. Dukh dyshit, gde khochet. Perepiska 1962–1963 gg.* [Yudina M.V. Spirit Breathes Where It Wants. Correspondence 1962–1963]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2010, pp. 139–140 (in Russ.).
5. P.P. Suvchinsky to M.V. Yudina. March 12, 1962, *Yudina M.V. Dukh dyshit, gde khochet. Perepiska 1962–1963 gg.* [Yudina M.V. Spirit Breathes Where It Wants. Correspondence 1962–1963]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2010, pp. 66–71 (in Russ.).
6. Ortega y Gasset J. *The Revolt of the Masses*. Moscow, AST Publ., 2002, pp. 11–208 (in Russ.).
7. Karsavin L.P. Divine and Creaturely Sophia, *Strelets* [Sagittarius]. 1922, no. 3, pp. 68–94 (in Russ.).
8. Žvirgždas [Povilas Butkevičius]. About L.P. Karsavin. Appendix 2, *Morozov N.A. Osobyje lagerya MVD SSSR v Komi ASSR (1948–1954 gody)* [Morozov N.A. Special Camps of the USSR Ministry of Internal Affairs in the Komi ASSR (1948–1954)]. Syktyvkar, 1998, pp. 141–144 (in Russ.).
9. Vaneev A.A. Essay on the Life and Ideas of L.P. Karsavin, *Zvezda* [Star], 1990, no. 12, pp. 138–151 (in Russ.).
10. Polovinkin S.M. *Russkii personalizm* [Russian Personalism]. Moscow, Sinaksis Publ., 2020, 1156 p.
11. Ivanov K.K. A. Vanev Is a Student of L. Karsavin, *Ivanov K.K. Kamni* [Ivanov K.K. Stones]. St. Petersburg, 2016, pp. 26–33 (in Russ.).
12. Perikhoresis, *Logeion. The University of Chicago*. Available at: <https://logeion.uchicago.edu/%CF%80%CE%B5%CF%81%CE%B9%CF%87%CF%8E%CF%81%CE%B7%CF%83%CE%B9%CF%82> (accessed 15.12.2024).
13. Zizioulas J. *Being as Communion: Studies in Personhood and the Church*. Moscow, Svyato-Filaretovskii Pravoslavno-Khristianskii Institut Publ., 2006, 280 p. (in Russ.).

14. Zizioulas J. *Communion and Otherness: Further Studies in Personhood and the Church*. Moscow, BBI Publ., 2012, 407 p. (in Russ.).
15. Strizhachuk F. Christian Eschatology vs. Utopia: The Theology of Hope by Jurgen Moltmann, *Bogomyslie*, 2020, no. 28, pp. 46–57 (in Russ.).
16. Hart D.B. *The Experience of God: Being, Consciousness, Bliss*. Moscow, Ehksmo Publ., 2019, 368 p. (in Russ.).
17. Karsavin L.P. *O nachalakh: (opyt khristianskoi metafiziki)* [On the Beginnings: (Experience of Christian Metaphysics)]. Paris, YMCA-PRESS Publ., Petersburg, Scriptorium: Mbra Publ., 1994, 375 p.
18. Karsavin L.P. *Vostok, zapad i russkaya ideya* [East, West and Russian Idea]. St. Petersburg, Academia Publ., 1922, 80 p.
19. Karsavin L.P. Uroki otrenchennoi very, *Evrasiiskii Vremennik*. 1925, book 4, pp. 82–154 (in Russ.).
20. On the Appointment of L.P. Karsavin as a Professor of the Institute, *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg], coll. 53, aids 1, fol. 3733, p. 74, 75, 89, 95, 96, 97, 100, 101 (in Russ.).
21. Aleksandrova-Chukova L.K. Petrograd Theological Institute, *Pravoslavnaya ehntsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya Ehntsiklopediya Publ., 2019, vol. 56, pp. 264–272 (in Russ.).
22. Bovkalo A.A. New About L. Karsavin, *Vilnius*, 1994, no. 4, pp. 145–146 (in Russ.).
23. Kupaigorodskaya A.P. Association of Scientific and Higher Educational Institutions of Petrograd (1917–1922), *Vlast' i nauka, uchenye i vlast', 1880-e — nachalo 1920-kh godov: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma* [Power and Science, Scientists and Power, 1880s — Early 1920s: Proceedings of the International Scientific Colloquium]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 185–201 (in Russ.).
24. *Istoriya Leningradskogo universiteta. 1819–1969* [History of Leningrad University. 1819–1969]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1969, 663 p.
25. Sorokin P.A. *A Long Journey: The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*. New Haven, Connecticut, College and University Press Publ., 1963, 327 p.
26. Karsavin L.P. On the Dangers and Overcoming of Abstract Christianity, *Put'*, 1927, no. 6, pp. 32–49 (in Russ.).
27. Karsavin L.P. The Draft of the Eurasians Declaration, or My [L.P.K.] Philosophical and Political, but Commonly Understood Testament to Them, *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2021, no. 36, pp. 437–510 (in Russ.).
28. Kolerov M.A. *Vvedenie v ideinuyu istorii russkoi ehmigratsii (1917 – 1991)* [Introduction to the Ideological History of Russian Emigration (1917–1991)]. Kaliningrad, BFU im. I. Kanta Publ., 2024, 416 p.
29. Letters of N.S. Trubetskoy to P.N. Savitsky. December 8–10, 1930, *Sobolev A.V. O russkoi filosofii* [Sobolev A.V. On Russian Philosophy]. St. Petersburg, Mir Publ., 2008, pp. 333–343 (in Russ.).
30. Gavryushin N.K. Correspondence Between A. Vetter and L. Karsavin, *Simvol: Zhurnal khristianskoi kul'tury pri Slavyanskoi biblioteke v Parizhe* [Symbol: journal of Christian culture at the Slavonic library in Paris], 1994, no. 31, pp. 97–169 (in Russ.).
31. Karsavin L.P. *Osnovy srednevekovoi religioznosti v XII–XIII vekakh* [Foundations of Medieval Religiosity in the 12th–13th Centuries]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2017, 418 p.
32. Karsavin L.P. *Istoriya evropeiskoi kul'tury* [History of European Culture]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2003, vol. 1, 335 p.
33. Letter of L.P. Karsavin to I.M. Grevs, Dated 23.08.1911, *Rossiiskaya istoricheskaya mysl': iz ehpistoľarnogo naslediya L.P. Karsavina, pis'ma I.M. Grevsu (1906–1916)* [Russian Historical Thought: From the Epistolary Heritage of L.P. Karsavin, Letters to I.M. Grevs (1906–1916)]. Moscow, INION RAN Publ., 1994, pp. 77–81 (in Russ.).
34. Vaneev A.A. The Second Recency, *Simvol. Zhurnal khristianskoi kul'tury pri Slavyanskoi biblioteke v Parizhe* [Symbol: journal of Christian culture at the Slavic library in Paris]. 1994, no. 32, pp. 211–248 (in Russ.).
35. Lurie C.V. The Experience of Discipline Reforming: Culturology on the Basis of Orthodox Anthropology, *Tetrad' po konservatizmu: al'manakh* [Notebooks on Conservatism: almanac]. Moscow, 2021, no. 2, pp. 105–140 (in Russ.).
36. Karsavin L.P. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. St. Petersburg, Komplekt Publ., 1993, 351 p.
37. Humboldt W. The Limits of State Action, *Gumbol'dt V. Yazyk i filosofiya kul'tury* [Humboldt W. Language and Philosophy of Culture]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 25–141 (in Russ.).
38. Kashcheev V.I. Wilhelm von Humboldt, Idea of the University, the University of Berlin, *Sovremennoe nauchnoe znanie: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik nauchnykh trudov po materialam XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern Scientific Knowledge: Theory, Methodology, Practice: Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference]. Smolensk, Naukosfera Publ., 2019, pp. 9–12 (in Russ.).
39. Autobiography of L.P. Karsavin, *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii dom) Rossiiskoi akademii nauk* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences], coll. 377, aids 7, item 1731 (in Russ.).
40. Genkel G.G. *Chto takoe narodnyi universitet? Ego istoriya, zadachi i organizatsiya* [What is a People's University? Its History, Tasks and Organization]. St. Petersburg, 1908, 20 p.
41. Gratsianov N.A. *Narodnye universitety v Zapadnoi Evrope, Severnoi Amerike i v Rossii* [People's Universities in Western Europe, North America and Russia]. Nizhny Novgorod, Seyatel' Publ., 1906, 47 p.
42. Kareev N.I. *Besedy o vyrabotke mirosozertsaniya: Prodolzhenie "Pisem k uchashcheysya molodezhi o samoo-*

- brazovanii*”, s kratkim ukazatelem samoobrazovatel’nogo chteniya [Conversations on Developing a Worldview: A Continuation of “Letters to Students on Self-Education”, with a Short Index of Literature for Self-Learning]. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1895, 179 p.
43. Mikhailovsky H.K. Struggle for Individuality: (Sociological Essay), *Mikhailovskii N.K. Izbrannye trudy po sotsiologii v dyukh tomakh* [Mikhailovsky N.K. Selected Works on Sociology in Two Volumes]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998, vol. 2, pp. 229–267 (in Russ.).
 44. Mikhailovsky N.K. What Is Progress, *Mikhailovskii N.K. Sochineniya* [Mikhailovsky N.K. Works]. St. Petersburg, Tipografiya N.N. Klobukova Publ., 1906, vol. 1, pp. 17–166 (in Russ.).
 45. Klimenko L.P. *Slovar’ perenosnykh, obraznykh i simvolicheskikh upotreblenii slov v Psaltiri: Ch. 1: psalmy 1–50; Ch. 2: psalmy 51–100; Ch. 3: psalmy 101–150* [Dictionary of Figurative, Picturesque and Symbolic Words in the Psalter: Part 1: Psalms 1–50; Part 2: Psalms 51–100; Part 3: Psalms 101–150]. Nizhny Novgorod, Khristianskaya Biblioteka Publ., 2012, 560 p.
 46. Goloseeva A.A. Criticism of Positivism in the Works of N.K. Mikhaylovsky, *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies], 2010, no. 3 (46), pp. 44–58 (in Russ.).
 47. Kozlovsky V.V. Sociological Heritage of N. Mikhailovsky, *Mikhailovskii N.K. Geroi i tolpa: Izbrannye trudy po sotsiologii: v 2-kh t.* [Mikhailovsky N.K. Heroes and the Crowd: Selected Works on Sociology: in 2 volumes]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998, vol. 1, pp. I–XXI.
 48. Demidova E.I. *Stanovlenie i razvitie sovetskoi vysshei shkoly v 1920–1930 gg.* [Formation and Development of the Soviet Higher School in 1920–1930], Doct. hist. sci. diss. Saratov, 2007, 404 p.
 49. Krivonozhenko A.F. *Petrogradskii universitet v 1917–1922 gg.* [Petrograd University in 1917–1922], Cand. hist. sci. diss. St. Petersburg, 2014, 262 p.
 50. Gaida F.A. “Orthodoxy” In the Triad of S.S. Uvarov, *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [St. Tikhon’s University Review. Series II: History; History of Russian Orthodox Church], 2021, no. 100, pp. 32–46 (in Russ.).
 51. Pomelov V.B. Program and Methodical Work of the People’s Commissariat of the RSFSR in the First Years of Soviet Power, *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta: filosofiya, pedagogika, psikhologiya: nauchnyi zhurnal* [Herald of Vyatka State University: Philosophy, Pedagogy, Psychology], 2018, no. 4, pp. 95–104. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.042 (in Russ.).
 52. Volkov V.S. Discussions of the Problems of Education and the Destinies of Their Teachers-Participants in the 1920s, *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the World], 2011, no. 3, pp. 34–62 (in Russ.).
 53. Letter of L.P. Karsavin to P.P. Suvchinsky, Dated 07.10.1925, *Arkhiv Doma russkogo zarubezh’ya im. A.I. Solzhenitsyna* [Archive of the A.I. Solzhenitsyn House of Russian Abroad], collection of V.E. Alloy, aids 1, item 36 (in Russ.).

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 11.03.2025.
